

Суд герцога

Автор:

Рафаэль Сабатини

Суд герцога

Рафаэль Сабатини

Чезаре Борджа

Исторический роман, состоящий из новелл, связанных именем и судьбой любимого персонажа Сабатини – «черного гения» итальянского Ренессанса Чезаре Борджа.

Рафаэль Сабатини

Суд герцога

Глава 1. Честь Варано

Чезаре Борджа, герцог Валентино и Романьи, неторопливо поднялся из кресла и подошел к окну просторного зала замка правителя Имолы. Постоял, глядя за залитые осенним послеполуденным солнцем луг, уставленный палатками, реку за ним, длинную ленту дороги, древнюю Виа Эмилия, уходящую за прячущийся в мареве горизонт.

Дорога эта пересекала Северную Италию по диагонали, прямая стрела длиной в сотню миль, от древнего Рубикона до Пьясенцы, которой, должно быть, гордился Марк Эмилий Лепид, построивший ее полторы тысячи лет назад. Чезаре эта дорога, наоборот, раздражала. По ней с севера и юга могли подойти на помощь

верные войска, которые он не решался призвать.

От дороги взгляд его вернулся к палаточному лагерю. Люди, лошади находились в непрерывном движении, словно трудолюбивые муравьи. Чуть дальше под руководством инженеров солдаты строили артиллерийскую позицию, чтобы мощными ядрами разворотить укрывающие герцога стены. Тут же в большом зеленом шатре расположился решительный Венанцио Варано. Толпа полуголых крестьян лопатами и кирками вели от реки глубокую траншею. Заполненная водой, она воспрепятствовала бы внезапному нападению.

Вся эта суета вызывала у Борджа презрение и злость. Презрение, ибо одно движение его мизинца разметает этих наглецов, вернее, они разлетятся сами, словно стайка воробьев при появлении в небе ястреба. Злость, потому что шевельнуть мизинцем он не мог из опасения нарушить далеко идущие планы, не предусматривающие демонстрации силы на столь ранней стадии их осуществления. Презрение к этому идиоту Варано, вообразившему, что Цезаре Борджа вконец обессилел и может стать легкой добычей горстки наемников, собранных Варано под свои знамена. И злость, ибо обстоятельства вынуждали его позволить Варано хоть на день, на час вообразить себя победителем. С какой наглостью этот кретин из Камерино ведет осаду цитадели Имолы. Остается лишь довольствоваться тем, что каменные стены словно дремлют на осеннем солнце, не обращая внимания на тщетные потуги тех, кто собрался у них, а над башней развевается знамя с гербом Борджа.

Крадущиеся шаги за спиной герцога остались им незамеченными. Отсюда можно сделать вывод, сколь глубоко погрузился он в размышления, ибо не было на земле человека с более острым слухом или зрением. Благодаря матери-природе незаурядный ум сочетался в нем с органами чувств, сделавшими бы честь любому представителю животного мира. Одного взгляда хватало, чтобы понять, что это за человек. Двадцати семи лет от роду, в расцвете сил, высокий, стройный, гибкий, как лоза. Его отец, папа Александр VI, в молодости считался самым красивым мужчиной. Неотразимая внешность будущего папы оказывала на женщин то же действие, что магнит – на железо, и в немалой степени способствовала его продвижению к святому престолу. Но, помимо красоты отца, Цезаре унаследовал утонченность и благородство монны Ваночцы де Катаней, римлянки высокого рода, своей матери. И чувственность алых губ, чуть скрытых шелковистой рыжеватой бородой, дополнялась высоким лбом, орлиным носом и глазами... кто возьмется описать великолепие этих карих глаз? Кто прочтет ту весть, что они несли людям, кто сможет выразить словами лучащиеся из них

волю, интеллект, мудрость?

В тот день герцог с ног до головы оделся в черное, но сквозь разрезы бархатного камзола проглядывала ярко-желтая материя рубашки. Талию его перетягивал пояс с рубиновой пряжкой, на котором в золоченых ножнах висел тяжелый кинжал с золотой рукоятью. Шапочки на рыжеватых волосах не было.

Вновь за спиной послышались крадущиеся шаги, но и на этот раз остались незамеченными. Не двинулся Цезаре, и когда заскрипели ступени лестницы, ведущей в зал. Он не отрывал взгляда от лагеря Варано.

Дверь открылась и закрылась. Кто-то вошел и направился к нему. Герцог не обернулся, но заговорил, обратившись к пришедшему по имени.

– Так что, Агабито, ты послал мой вызов Варано?

Кому-то, менее привычному к манерам герцога, чем его секретарь, Агабито Герарди, такая догадливость могла бы показаться сверхъестественной. Но Агабито знал, что слух у герцога не хуже, чем у слепого, и звука шагов хватало ему там, где другому требовалось взглянуть на лицо.

Секретарь поклонился, когда герцог таки обернулся к нему. Среднего роста, с небольшим брюшком, губами, всегда готовыми разойтись в улыбке, и темными, все замечающими глазами. Лет ему было под сорок, и, в соответствии с должностью, носил он черный сюртук чуть ли не до колен.

– Отправил, ваша светлость. Но я сомневаюсь, что этот господин из Камерино примет ваше приглашение.

Агабито отметил, что взгляд герцога устремлен куда-то за его спину. Глаза Борджа словно задернула туманная пелена, а секретарь, хотя и полагал себя знатоком характера своего господина, давно уже смирился с ее непроницаемостью. Ибо мозг, прячущийся за этой пеленой, приходил к нему только ведомым выводам. Гобелены за большим письменным столом слегка шевелились. Потому-то и задумался Цезаре: никакого сквозняка, объясняющего это явление, в комнате не ощущалось. Однако, заговорив, он никоим образом не дал знать о своих наблюдениях.

– Ты, как обычно, настроен пессимистически, Агабито.

– Скорее мне свойственно здравомыслие, мой господин, – Чезаре Борджа позволял своим ближайшим помощникам некоторую фамильярность. – Да так ли и важно, придет он или нет? – Агабито улыбнулся, и кожа вокруг глаз собралась множеством морщинок. – Всегда же есть потайная дверь.

– В своем пессимизме ты уверяешь меня, что по-другому и быть не может.

Агабито развел руками, всем своим видом показывая, что у него и в мыслях такого не было.

– Кому охота открывать потайную дверь? – продолжил герцог. – Допустим, я дам знать моим союзникам о ее существовании. Так они разбегутся в испуге, едва слышав скрежет отодвигаемого засова. А ты говоришь, потайная дверь! Стареешь ты, Агабито. Лучше предложи мне способ отделаться от этого жалкого кретина посредством того, чем мы располагаем.

– Увы! – обреченно вздохнул секретарь.

– Действительно, увy! – сердито бросил герцог и под взглядом Агабито закружил по залу.

К сожалению, Варано едва ли мог выбрать более неудобный момент. Заклятый враг герцога, Орсини, объединился с его восставшими капитанами, Вителли и Бальони. Под началом союзников находилось десять тысяч войска, и они поклялись уничтожить Борджа. И вот они уже расставили сеть в твердой уверенности, что герцог угодит в нее аккуратно в тот момент, когда силы его будут на исходе. А он, со своей стороны, заманивал их в яму, которую они же и вырыли, утверждая в мысли, что он беспомощен и не готов к сопротивлению. Ради этого он распустил три отряда французских кавалеристов, ударную силу своей армии, представив все так, будто французы сами покинули его, ведомые командирами, с которыми он рассорился. И на первый взгляд действительно могло показаться, что положение у него аховое: противостоящие ему мятежники находились в полной боевой готовности и видели в нем легкую добычу, справедливо полагая, что без французской кавалерии его армия побежит после первого же натиска. Они же не знали, что Нальдо собирает для него пехоту в Романьи, а в Ломбардии ждут сигнала отряды швейцарских и гасконских

наемников. Да и не полагалось им этого знать, еще не пришло время. Одно его слово вызвало бы появление такого войска, что союзники разом наложили бы в штаны. Но пока он желал иного: пусть они тешат себя иллюзией собственной безопасности, полагая, что он напрямик идет в расставленную сеть. Но шел-то Чезаре Борджа без малейшего сомнения в том, что запутается в ней не он, а те, кто ее расставлял.

Так тщательно он все спланировал, учел вроде бы каждую мелочь и осталось-то сказать: «Мат!» – но этот торопыга из Камерино, столь нагло появившийся в Имоле, спутал ему все карты.

Да, да, именно это и сделал Венанцио Варано, один из лишенных трона правителей Камерино, взбешенный нерешительностью союзников. Убедившись в невозможности подвинуть их на активные действия, он пошел в атаку один. Собрал с тысячу разношерстных наемников, изгнанных из других отрядов то ли за трусость, то ли за бесчестные поступки, и осадил цитадель Имолы, вызвав на свою голову проклятья как Чезаре Борджа, так и союзников, ибо рушил планы и первого, и вторых.

– Возможно, союзники присоединятся к Варано, – предположил Агабито, – если почувствуют, что успех на его стороне. Тогда и придет ваш шанс.

Но Чезаре нетерпеливо махнул рукой.

– Как я тут с ними разделаюсь? Армия их застрянет здесь надолго, но какой в этом смысл? Мне нужно раздавить зачинщиков заговора, и одним ударом. Нет, нет, – он покачал головой. – Лучше не будем гадать, а подождем ответа Варано и посмотрим, что из этого выйдет.

– А если ничего, вы нанесете ответный удар? – воодушевился Агабито.

Лицо Чезаре потемнело.

– Еще нет. Я буду ждать и надеяться на случай. А вернее – на удачу. Не забывай, что пока удача сопутствовала мне, – он повернулся к массивному письменному столу, взял пакет. – Это письмо для Совета Флоренции. Я подписал его. Проследи, чтобы оно попало по назначению.

Агабито взял пакет.

- Придется поломать над этим голову.

- Так не теряй времени, - и взмахом руки Борджа отпустил секретаря.

За ним закрылась дверь, шаги стихли. И только тогда Чезаре, стоявший посередине зала, посмотрел на гобелены, что шевелились при появлении Агабито.

- Можете выходить, господин шпион, - промолвил он.

Он полагал, что человек спокойно выйдет из-за гобелена, тем более что догадывался, кого он увидит, но произошло неожиданное: гобелен отлетел в сторону, а прятавшийся за ним мужчина, словно камень, выпущенный из пращи, метнулся к нему с занесенной для удара рукой. Рука опустилась. Кинжал ударил Чезаре в грудь и сломался пополам. Но не успело отломившееся лезвие упасть на пол, как пальцы герцога сжались на запястьях нападавшего.

Бедолага, конечно, не знал, что Чезаре Борджа без видимых усилий гнул подковы. Не доводилось ему и лицезреть, как он убивает быка одним ударом. Для таких подвигов требовалась немалая сила, в чем тут же и убедился убийца, мужчина крепкий, высокого роста, с широкими плечами, мощными мышцами. Но от хватки герцога сила его растаяла, как кусок льда на жарком солнце. Железные пальцы Чезаре заломили ему руки назад, и, закричав от боли, он рухнул на колени, а второй крик подавил, лишь вонзившись зубами в нижнюю губу. Правая рука раскрылась, и рукоять кинжала загрохотала по полу. Побледнев от страха и боли, убийца встретился взглядом с герцогом и не прочел в его глазах ни раздражения, ни злобы.

- Мессер Малипьеро, напрасно вы рискнули ударить в грудь, закрытую кольчугой, когда шею защищала только кожа, - и герцог насмешливо улыбнулся. Отпустил руки убийцы. - Поднимайся. Нам нужно поговорить.

- Мой господин! Мой господин! - заверещал Малипьеро, простирая к нему руки. - Простите! Простите!

- Простить? - Цезаре, отойдя уже на пару шагов, остановился. - Простить за что?

- За мою по... за то, что я только что сделал.

- О, за это! Да по сравнению со всем остальным это же сущий пустяк. Считаю, что я о нем забыл. Но вот насчет остального, Малипьеро... обещания служить мне верой и правдой, лжи, которую я постоянно слышал от тебя, попыток завоевать мое доверие, да ты еще и соглядатай Варано... Все это я тоже должен простить?

- Мой господин! - запротестовал Малипьеро.

- И даже если я тебя прощу, простишь ли ты себя, ты - патриций, превратившийся в шпиона и убийцу?

- Нет, мой господин, не в убийцу. Я ничего против вас не замышлял. Я потерял голову, когда вы дали понять, что знаете о моем присутствии. О, я сошел с ума! Обезумел!

- Ладно, ладно, с этим покончено, - герцог взял со стола серебряный свисток, поднес ко рту, резко свистнул. Малипьеро побледнел как полотно, предчувствуя, что за этим последует, но герцог поспешил успокоить его. - Я не в обиде за то, что ты пытался сейчас сделать. И прощаю тебя.

- Вы меня прощаете? - Малипьеро не мог поверить собственным ушам.

- Почему бы и нет? Я добропорядочный христианин, а Иисус Христос наказывал нас прощать ближнего своего. Впрочем, последнее ни в коей мере не спасает тебя от виселицы.

Малипьеро раскинул руки, лицо его перекопилось от ужаса.

- А разве у меня есть выбор? - продолжил герцог. - Ты слишком много услышал. В этом тебе не повезло.

- Клянусь богом! - Малипьеро шагнул к Цезаре. - Я никому не скажу ни слова.

– Разумеется, не скажешь.

На лестнице послышались тяжелые шаги, открылась дверь, на пороге возник офицер охраны. По знаку Борджа подошел к Малипьеро.

– Посадить в одиночную камеру, – распорядился герцог. – А потом мы решим, что с ним делать.

Малипьеро в надежде глянул на герцога.

– Когда... когда вы примете решение? – прохрипел он.

– Завтра на заре. И упокой, Господи, твою душу!

Труба пропела у стен Имолы, и звук ее достиг ушей Борджа в его комнате в башне замка. Он отложил ручку и откинулся на спинку стула. Улыбнулся, разглядывая синий потолок, разрисованный золотыми звездами.

Наконец появился мессер Герарди с известием, что из лагеря Варано прибыл посол, и улыбка сползла с лица герцога.

– Посол? – брови Чезаре сошлись к переносице. – С каких это пор слуга приходит по приглашению, посланному господину?

Агабито широко улыбнулся в ответ.

– А стоит ли удивляться? Эти Варано – сплошь предатели и лжецы. Венанцио боится, что вы обойдетесь с ним точно так же, как поступил бы он сам, окажись на вашем месте. Он знает, что его наемники не будут мстить за него, наоборот, тут же разбегутся во все стороны. Вы примете посла, мой господин? Могу заверить, что выбор Варано покажется вам небезынтересным.

– В каком смысле? – осведомился Борджа.

Секретарь ушел от прямого ответа.

– Насколько я понял, после моего ухода здесь кого-то арестовали. Я никогда не доверял Густаво Малипьеро. Как он сюда попал, ваша светлость?

– Это неважно. Куда важнее, зачем он пришел. Он хотел меня убить, – и Чезаре указал на обломки кинжала, все еще валяющиеся на полу, там, где полчаса назад бросил их Малипьеро. – Забери их, Агабито.

– Возможно, в ближайшем будущем вы пожалеете о том, что я унес их с собой. Пусть они полежат еще несколько минут, мой господин.

Чезаре вопросительно глянул на секретаря.

– Могу я представить вам посла Варано? – невозмутимо осведомился тот.

– Но... какое отношение имеет он к кинжалу Малипьеро? – в том, что какая-то связь существует, герцог уже не сомневался.

– Может, и никакого, а может – и очень большое. Судить вашей светлости.

Чезаре махнул рукой, соглашаясь принять посла. Агабито вернулся к двери, открыл ее, что-то крикнул. На лестнице раздались шаги. Два воина в латах и морионах встали у порога, а меж ними в комнату, клацая шпорами и гремя мечом, вошел пожилой мужчина среднего роста в великолепном лиловом камзоле. С присущей военным резкостью остановился посередине, поклонился герцогу, выпрямился, встретился с ним взглядом.

Чезаре выдержал долгую паузу. Спешить ему было некуда, особенно теперь, когда он понял, почему Герарди просил не убирать обломки кинжала.

Тишину нарушало лишь жужжание мухи, неожиданно влетевшей в окно. Наконец герцог обратился к послу Варано, отцу Густаво Малипьеро, чуть ранее покушавшегося на его жизнь.

– Так это вы, Малипьеро? – лицо герцога оставалось бесстрастным, хотя мозг лихорадочно просчитывал возможные варианты, благо теперь их хватало.

Мужчина вновь поклонился.

– Ваш покорный слуга, ваша светлость.

– Вернее, слуга правителя Камерино, – поправил его герцог. – Слуга лисицы, решившей поохотиться на волка. Я просил вашего хозяина прийти ко мне, чтобы мы могли обговорить условия, на которых он согласился бы снять осаду. Вместо себя он послал вас. Это оскорбление, так и передайте ему, а у меня и так достаточно поводов злиться на него. Пусть он глумится надо мной, раз уж подвернулся подходящий момент. Но и не след ему жаловаться, когда мы поменяемся ролями.

– Мой господин испугался прийти, ваша светлость.

Чезаре хохотнул.

– Я в этом не сомневался. Но вы, вы, Малипьеро? – герцог наклонился вперед, интонации его голоса стали угрожающими. – Вы не побоялись занять его место?

Малипьеро сжался, уголки рта задрожали, лицо еще более побледнело. Но прежде чем он успел ответить, Чезаре откинулся на спинку стула и спокойно спросил: «Почему вы пришли?»

– Чтобы вести переговоры от имени моего господина.

Герцог помолчал, словно обдумывая ответ.

– Только за этим?

– А разве могла быть другая причина, ваша светлость?

– Об этом я вас и спрашиваю.

– Мой господин, – негодуя вскинулся Малипьеро, – я пришел как посол.

– Да, конечно. Как я мог забыть. Так перейдем к делу. Вы знаете, что я готов купить. Назовите цену, которую просит этот торговец из Камерино.

Старший Малипьеро выпрямился, взгляд его случайно упал на обломки кинжала. Похоже, он не понял, кому принадлежало оружие, ибо голос его не дрогнул.

– Господин мой Варано согласен снять осаду в обмен на ваше письменное обещание вывести войска из Камерино, восстановить его на троне и в дальнейшем не вмешиваться в городские дела.

В изумлении от подобной наглости Чезаре воззрился на посла.

– Он был пьян, этот грабитель Камерино, когда направлял вас ко мне с таким посланием.

Малипьеро задрожал под суровым взглядом герцога.

– Ваша светлость, возможно, поведение моего господина кажется вам наглым. Но вы вскорости узнаете, что он готов идти до конца. Тем более потому, что, по его глубокому убеждению, он держит вас за горло.

– По его глубокому убеждению! Святой Боже! Тогда ему суждено узнать, что сделан я из пороха, и если взорвусь, его тоже разнесет на куски. Иди и передай ему эти слова.

– Так вы не принимаете его условия?

– Скорее я буду сидеть в Имоле до второго пришествия.

Малипьеро помялся. Взгляд его метнулся к чисто выбритой добродушной физиономии Агабито Герарди. Но выражение лица секретаря не придало ему смелости. Однако, как и должно настоящему послу, он досказал все, что ему поручали сказать.

– Вителлоццо, Орсини и Бальони объединились.

– Неужели это новость? А какой прок от этого Варано? Жители Камерино ненавидят его, кровавого тирана, и, избавившись от него, никогда не допустят, чтобы он вновь восседал на троне.

– Я не уверен... – начал Малипьеро.

– Разумеется, – покивал Борджа. – Но уж поверьте мне на слово, – он встал. – Агабито, проследи, чтобы посла Варано проводили с соответствующими почестями.

И, словно поставив на этом точку, герцог прошествовал к окну, по пути достав из кармана золотую, покрытую эмалью коробочку для засахаренных фруктов.

Лицо Агабито разочарованно вытянулось. Не таким представлял он себе завершение переговоров. Но, подумал он, возможно, что хитрый Чезаре все рассчитал. Оторвавшись от раздумий, Агабито заметил, что Малипьеро и не думает уходить. Стоит, переминаясь с ноги на ногу, да поглядывает то на секретаря, то на герцога.

– Ваша светлость, – прервал он наконец затянувшееся молчание. – Могу ли я поговорить с вами наедине?

– Мы и так одни, – бросил Борджа через плечо. – Что еще вы можете добавить?

– То, что я намерен сказать, послужит вашим интересам.

Чезаре развернулся спиной к окну, глаза его превратились в щелочки. На губах заиграла легкая улыбка. Он дал знак охранникам. Те отсалютовали и скрылись за дверью.

– Агабито останется. У меня нет секретов от моего секретаря. Говори.

– Ваша светлость... – посол запнулся, затем-таки продолжил под нетерпеливым взглядом Борджа:

– Мой господин Варано настроен серьезно.

Чезаре пожал плечами, снял крышку с коробочки.

– Это я уже понял. Больше вам нечего сказать?

– В самом начале нашего разговора вы не сочли за труд поправить меня, ваша светлость, когда я назвал себя вашим покорным слугой.

– Сколь кружным путем идете вы к поставленной цели. Ну да ладно. Когда-то вы служили у меня. Теперь служите ему. Хотите снова перейти ко мне? Речь пойдет об этом?

Малипьеро глубоко поклонился.

Герцог бросил короткий взгляд на Агабито, затем достал из коробочки ломтик засахаренного абрикоса.

– Значит, положение бывшего правителя Камерино не такое уж блестящее? – вопрос этот по интонации больше походил на утверждение, отчего Малипьеро сник еще больше.

Он-то ожидал, что Чезаре схватится за его предложение. А от спокойного безразличия герцога его бросило в дрожь. Но Малипьеро сумел взять себя в руки.

– Именно я запугал Варано до такой степени, что он не решился прийти к вам сам, а направил меня.

Крышка вернулась на коробочку для фруктов. Герцог, похоже, заинтересовался. И окрыленный Малипьеро продолжил:

– Я сделал это лишь для того, чтобы предложить свои услуги вашей светлости. Ибо в сердце моем нет другого господина, кроме вас. И мой единственный сын служит вам.

– Ты лжешь, паршивый предатель! Лжешь! – Чезаре надвинулся на него, словно решил стереть в порошок. Исчезли бесстрастное спокойствие лица, невозмутимость взгляда. Глаза его источали адский огонь.

– Мой господин! Мой господин! – заверещал Малипьеро.

Чезаре остановился на полпути, лицо его вновь разительно переменилось, вспышка ярости погасла так же внезапно, как и началась.

– Взгляни на кинжал у твоих ног, – Малипьеро повиновался. – Час назад он сломался, ударившись о мою грудь. Догадайся, чья рука направляла его? Твоего сына, твоего единственного сына, который у меня на службе.

Малипьеро отпрянул, рука его невольно поднялась к горлу.

– Ты пришел сюда за теми скудными сведениями, что мог раздобыть этот шпион. И мое приглашение Варано пришлось очень кстати. Потому что без того ты появился бы со своим последним предложением. Но твой сын уже ничего тебе не скажет. Завтра утром его повесят. И тело будет болтаться перед этим вот окном, чтобы его видел и Варано, которому он служил, и ты, для которого нет господина лучше меня.

Малипьеро рухнул на колени, простер к герцогу руки.

– Мой господин, клянусь вам, никакого заговора против вас не было. Никто не помышлял причинить вам вред.

– Что ж, на этот раз я тебе поверю. Возможно, заговора и не было. Но я поймал твоего сына с поличным, и он, возможно, решил, что другого выхода у него просто нет. Разницы, собственно, никакой. И без заговора его повесят на рассвете.

Малипьеро, по-прежнему на коленях, обратил к герцогу блестящее от пота лицо.

– Ваша светлость, в моих силах загладить вину сына. Я могу помочь вам избавиться от этого банкрота из Камерино. Жизнь моего сына за снятие осады?

Чезаре улыбнулся.

– Наверное, именно это предложение ты и хотел обговорить со мной без свидетелей. Ничего не изменилось, кроме цены, но ты, несомненно, намерен извлечь из своего предательства и какую-то иную выгоду.

И Малипьеро понял, что притворством тут не поможешь. Ибо герцог видел таких, как он, насквозь. Всех, кому служил, он предавал по одной причине – ради золота, тягу к которому он и не стремился перебороть. Но теперь ему не нужно ничего, кроме жизни сына. Все это он откровенно и выложил Цезаре.

– Мы не договоримся, – пренебрежительно бросил в ответ герцог.

Слезы навернулись на глаза несчастного и потекли по щекам. С удвоенным жаром он взмолился о милосердии, особо подчеркивая важность быстрого снятия осады.

– Во всей Италии нет большего негодяя, чем ты, Малипьеро, – отвечивал герцог. – От тебя разит вонью предательства. Мне противно даже смотреть на тебя, не то что вести с тобой какие-то дела.

– Мой господин, – заломил руки Малипьеро. – Кроме меня, никто не сможет снять осаду. Подарите мне жизнь Густаво, и завтра же у стен Имолы не останется ни одного солдата. Варано я отправлю в Камерино. А что представляют собой его люди, вы знаете не хуже моего. Без его понуканий они разбегутся в мгновение ока.

Цезаре смерил Малипьеро суровым взглядом.

– И как же ты этого добьешься?

Этот вопрос поднял Малипьеро с колен, он шагнул к герцогу, облизал губы.

– Варано дорог его трон в Камерино. Но еще дороже ему честь. И стоит шепнуть, что его жена... – он похотливо улыбнулся. – Вы понимаете, ваша светлость? Он пулей вылетит из лагеря и помчится в Камерино, где она сейчас пребывает.

От всей этой грязи к горлу Цезаре подкатила тошнота. Но внешне он ничем не выдал своих чувств. И в глазах Малипьеро не смог прочесть того отвращения, что испытывал к нему герцог. Наконец губы Борджа изогнулись в улыбке, о значении которой Малипьеро мог лишь догадываться, пока его светлость не заговорил.

– До чего же ты мерзок, Малипьеро. Однако, мое дело – использовать тебя в своих целях, а не перевоспитывать. Вот и снимай осаду Имолы, раз ты говоришь, что такое возможно.

Малипьеро облегченно вздохнул. Оскорбления он не воспринимал.

– Обещайте мне жизнь сына, и я гарантирую, что сегодня вечером Варано будет в седле.

– Ни на какие сделки я с тобой не пойду, – ответил Чезаре.

– Но если я сделаю то, о чем вы просите, могу я рассчитывать на ваше милосердие?

– Жди. Я поступлю по справедливости.

– Я буду ждать, надеясь на лучшее. И все же... все же... Успокойте меня, ваша светлость. Я – отец. Пообещайте мне, что Густаво не будет повешен, если я сослужу вам эту службу.

В глазах Чезаре мелькнуло презрение, он пожал плечами.

– Его не повесят. Я же сказал, что буду беспристрастен. А теперь к делу, – Чезаре прошел к письменному столу. – Ты имеешь право подписать пропуск от имени Варано?

– Имею, ваша светлость.

– Тут есть все, что тебе для этого нужно. Пиши. На двадцать человек, выезжающих из Имолы.

Малипьеро схватил перо и дрожащей рукой выписал пропуск, расписавшись внизу. Герцог взял бумагу, сел за стол.

– Как я узнаю, что Варано уехал?

Малипьеро на мгновение задумался.

– После его отъезда я сразу же загашу факел, что горит у его шатра. Вы это увидите прямо отсюда.

Чезаре медленно кивнул, поднес к губам серебряный свисток. Появившимся стражникам он приказал проводить посла до ворот.

Когда за ними закрылась дверь, герцог повернулся к Агабито с пренебрежительной улыбкой на устах.

– Я сослужил бы человечеству хорошую службу, если б плюнул на неприкосновенность посла и поутру вздернул отца вместе с сыном. Ну и семейка! Жабы! Вонючие жабы. Ну ладно, хватит о них. Вызови Кореллу и проследи, чтобы младший Малипьеро был под рукой.

Когда Корелла, один из капитанов Борджа, венецианец, которого многие принимали за испанца, высокий здоровяк, одетый в сталь и кожу, вошел в комнату, герцог протянул ему подписанный Малипьеро пропуск и приказал следующее:

– Сегодня вечером следите за факелом, что будет гореть у шатра Варано. Через десять минут после того, как он погаснет, ты выедешь в Камерино с отрядом в двадцать человек, которых отберешь сам, – Чезаре развернул на столе карту и знаком подозвал Кореллу. – Но не по этой дороге, Микеле, не через Фаэнцу и Форли. Ты поедешь через холмы и обгонишь другой отряд, выбравший главную дорогу. До Камерино ты должен добраться на шесть часов раньше, но учти, что и другие будут скакать во весь опор. Более подробные инструкции получишь у Агабито. Как тебе их выполнить, решишь на месте.

Микеле де Корелла насупился.

– Они отправятся в путь раньше меня. Поедут короткой дорогой, да еще будут скакать во весь опор. Тем не менее я должен прибыть в Камерино на шесть часов раньше. Короче, я должен совершить чудо, а я всего лишь Микеле де Корелла, капитан кавалеристов.

Чезаре раздумчиво смотрел на него.

– Мне ли тебя учить? Отбери двух лучших всадников и пошли их вслед за вторым отрядом по дороге на Римини. Пусть они обгонят отряд, а потом позаботятся о том, чтобы в пути у него возникло достаточно преград, которые позволят тебе выполнить мой приказ.

Корелла даже покраснел. Столь простое решение он мог найти и сам.

– А теперь иди, Микеле, и готовься к отъезду.

У двери Кореллу остановил голос Чезаре.

– Я сказал двадцать человек, но следовало сказать – девятнадцать, считая тебя. Двадцатым будет мессер Густаво Малипьеро, который поедет с вами. А сейчас распорядись, чтобы его привели сюда.

Корелла отдал честь и вышел из комнаты. Чезаре сел, повернулся к Агабито.

– Что скажешь? Понимаешь ли ты, в чем моя задумка?

– Еще нет, мой господин.

– Нет? Иной раз мне кажется, что ты такой же тугодум, как Микеле.

А Агабито подумал, что хитростью и коварством герцог мог бы потягаться с самим Сатаной.

Малипьеро выполнил свое обещание, хотя и едва не лишился жизни в могучих руках Венанцио Варано.

После захода солнца он вошел в шатер Варано, но первые же слова привели последнего в бешеную ярость. Он схватил Малипьеро за горло, сбил с ног и поволок в темный угол шатра. Там коленом придавил его к земле, да так, что у предателя затрещали кости.

– Собака! – прохрипел Варано над корчащимся от боли Малипьеро. – Ты заявляешь, что моя жена – шлюха? Скажи, что ты солгал, а не то я сверну тебе шею.

Но Малипьеро, трус по натуре, на этот раз преисполнился храбрости отчаяния.

– Идиот! – прохрипел он. – Идиот, я сказал это из любви к тебе и могу доказать свои слова.

– Доказать? – проревел Варано. – Разве можно доказать ложь?

– Нет, – просипел Малипьеро. – Но правду – можно.

Едва ли Малипьеро мог найти более убедительный ответ. Во всяком случае, Варано отреагировал незамедлительно. Отпустил Малипьеро, поднялся, рывкнул, требуя принести фонарь. Малипьеро сел, ощупал себя, чтобы убедиться, целы ли кости, и мысленно взмолился святой деве из Лорето, которую считал своей покровительницей. Просил он ее об одном: чтобы его насквозь лживые доказательства, уличающие жену Варано в супружеской неверности, показались достаточно убедительными. Себя же, вернее, свою совесть, он успокаивал тем, что за столь жестокое обращение с ним Варано обязан понести наказание. И раз на его долю выпали синяки на теле, они с Варано будут квиты, если тому достанутся душевные муки.

Принесенный фонарь осветил сидящего на полу мужчину в разорванной одежде, с пожелтевшим лицом и спутанными волосами. В его бегающих глазах блестели злобные искорки. Могучий Варано угрожающе навис над ним.

– Ну, собака, где твои доказательства?

Вот когда пришел час отмщения! Неспешно Малипьеро одернул камзол, сунул руку за пазуху, достал сверток, перевязанный розовой лентой. Еще медленнее начал ее развязывать. Варано, естественно, не выдержал, вырвал сверток, отбросил ленту. Отошел к столу, отделил одно письмо, разгладил здоровенной рукой.

Малипьеро, пожирая его взглядом, заметил, как поникла голова Варано. Но тот быстро оправился. Жене своей он верил, и сбить его с наскока не представлялось возможным. Он сел в кресло и повернулся к уже поднявшемуся Малипьеро.

– А теперь скажи мне, каким образом попали к тебе эти письма?

– Фабио, камергер госпожи, привез их час назад в ваше отсутствие. Он не решился предстать пред ваши очи. Любовь к вам заставила его предать свою госпожу. Но он испугался отдать письма лично. И оставил их мне, после чего умчался назад.

– А если... если они фальшивые? – и Малипьеро сразу же понял, что ему удалось разжечь в душе Варано костер ревности, на которую он и делал ставку. Оставалось лишь подбрасывать дровишек.

На лице предателя отразилась печаль.

– Мой господин, – вздохнул он, – вы не доверяете тем, кто любит вас. Если б не эта любовь, какой резон Фабио приезжать сюда? Он же выкрал письма из шкатулки, где госпожа хранит свои драгоценности. То есть он и раньше знал о существовании писем, иначе не стал бы их там искать.

– Достаточно! – крик Варано переполняла душевная боль. Выругавшись, он взялся за второе письмо. – О, какая грязь! – простонал он. – А дальше все хуже и хуже. – Тут он прочитал подпись: «Галеотто», брови его вопросительно изогнулись. – Но кто этот Галеотто?

На подвижном лице сатира, стоящего у его стула, промелькнула улыбка. Он не страдал отсутствием чувства юмора, этот Малипьеро. И ответом его стала пародия строчки Данте:

«Galeotto fu il nome, e chi lo scrisse»[1 - Виновато было имя и тот, кто его написал (с итал.). Фраза Данте: «galeotto fu il libro e chi lo scrisse» – «а виновата была книга и тот, кто её написал». Имя Галиотто с легкой руки Данте стало в Италии нарицательным.]!»

В горле Варано что-то булькнуло, и правитель Камерино начал читать третье письмо. Пальцы его правой руки сжимались и разжимались. Потом он встал, изо всей силы хватил кулаком по столу.

– О, бесстыдница! – проревел он. – Прелюбодейка! Шлюха! И все же, вдруг это ложь? Господи, помоги мне! Если так...

Он не договорил, взгляд налитых кровью глаз упал на Малипьеро, и тот в испуге попятился. А Варано большими шагами пересек шатер, откинул полог.

– Немедленно оседлать трех лошадей, – приказал он. – Со мной поедет Джанпаоло, – и вернулся к столу. – Третья лошадь для тебя, Малипьеро.

– Для меня? – в ужасе просипел предатель. Такого поворота событий он никак не ожидал.

– Для тебя, – подтвердил Варано. – Тебе приходилось видеть палача за работой. Ты знаешь, как на дыбе выворачиваются кости, лопаются сухожилия, а тот, кого пытаются, просит о скорой смерти? Если окажется, что ты солгал, а я молю Господа Бога, чтобы так оно и было, ты испытаешь все это на себе. И пожалеешь о содеянном, – Цезаре Борджа не зря назвал Варано кровавым тираном. – А теперь иди, готовься к отъезду, – скомандовал он, и Малипьеро выскользнул из шатра.

Хитрый венецианец, а родом Малипьеро был из Венеции, поднаторевший в интригах, не предусмотрел, что Варано может взять его с собой. Выходило, что тот, несмотря на обуявшую его ревность, таки подозревал Малипьеро в обмане и оставлял за собой возможность незамедлительно наказать предателя, если жена докажет свою невиновность.

Что же делать, раз за разом повторялся этот мучительный вопрос в голове Малипьеро? Матерь божья, что же ему делать?

Но достойного ответа не находилось, и в нерешительности стоял он посреди собственной палатки. В какой-то момент ему удалось освободиться от липкой пелены страха, и он вытащил из ножен меч. Коснулся большим пальцем острия, чтобы убедиться, не затупилось ли оно. Упер рукоять в землю и замер.

Оставалось лишь одно: наклониться, прижаться грудью тем местом, над которым билось сердце, к острию и опуститься на меч. Римская смерть, быстрая и безболезненная. Разумеется, он достиг конца своего жизненного пути. Лучше умереть здесь, чем на дыбе в руках палача, как пообещал ему Варано.

Но тут он вспомнил про сына. Его же повесят, если Варано не уедет этим вечером. Покончи он с собой, Варано догадается, что все это значит, и останется в лагере. Только это да мысль о том, что между Имолой и Камерино многое может случиться, остановили Малипьеро. Он поднял меч, вновь засунул его в ножны. К палатке приблизились шаги. На пороге возник солдат. Варано звал предателя к себе. Малипьеро собрался с силами и вышел в ночь.

У шатра Варано он вспомнил еще об одном неотложном деле.

– Загаси факел, – скомандовал он сопровождавшему его наемнику.

Тот подхватил ведро воды, стоявшее неподалеку, и факел, зашипев, погас.

– Это еще зачем? – спросил вышедший из шатра Варано.

– Тут слишком светло, – с готовностью объяснил Малипьеро. – Нас могут увидеть из замка.

– И что тогда?

– Незачем Цезаре Борджа знать, что вы покинули лагерь.

– Да, конечно, – согласился с очевидным Варано. – Это ты хорошо придумал. А теперь по коням.

Они уже сидели в седлах, Малипьеро между Варано и Джанпаоло да Трани, когда к шатру подошел Шварц, капитан наемников. Весть об отъезде Варано, обежав лагерь, достигла ушей швейцарца, и он, все еще не веря услышанному, бросился к командиру за указаниями.

– Отстань от меня, – отмахнулся Варано.

– Но, ваше высочество, долго ли вы будете отсутствовать? – не унимался Шварц.

– Сколько потребуется.

– Так чьи же приказы должен я выполнять в это время? – воскликнул рассердившийся наемник.

– Дьявола! – проревел Варано и вонзил шпоры в бока жеребца.

Мчались они всю ночь и на рассвете добрались до Сан-Арканджело. Когда копыта их коней гремели по мосту, Малипьеро с болью в сердце подумал, что внизу течет Рубикон, который он пересекает как физически, так и фигурально.

Варано, опережая своих спутников на полкорпуса, с лицом, напоминающим каменную маску, устремленным вперед взглядом, все погонял и погонял лошадь. Но в миле за Арканджело их обогнали два всадника, умчавшихся к Римини в облаке пыли. То были люди, посланные Кореллой, по приказу герцога получившие в Чезене свежих лошадей. Потому-то они так легко оставили позади крошечный отряд Варано.

Последний с завистью глянул им вслед и громко выругался, кляня усталость своего жеребца. Они продолжили путь к Римини, причем скорость их падала с каждым часом. Наконец они прибыли в городок, и в харчевне «Три короля» Варано потребовал свежих лошадей, даже не упомянув о завтраке. Но лошадей не нашлось.

– Быть может, в Каттолике... – предположил хозяин харчевни.

Варано не стал спорить. Выпил кружку вина, съел краюху хлеба, вскочил в седло и знаком предложил Малипьеро и Джанпаоло следовать за ним. За торопливость ему и пришлось расплачиваться – не зря же говорят: тише едешь – дальше будешь. До Каттолики они добирались три часа – уставшие люди на вконец измученных лошадях. Но и там они не нашли замены. Правда, им пообещали, что к вечеру лошади будут.

– К вечеру? – взревел Варано. – Но еще нет и полудня!

Малипьеро, совершенно вымотанный, рухнул на каменную скамью во дворике харчевни.

– Будут лошади или нет, – просипел он, – я никуда не поеду. – Лицо его посерело, под глазами повисли черные мешки.

Варано ничего этого не замечал. И уже открыл рот, чтобы как следует выбрать малодушного, но тут на помощь Малипьеро неожиданно пришел Джанпаоло.

– Я тоже, клянусь Богом. Прежде чем вновь сесть в седло, я должен поесть и поспать. Чего мчаться сломя голову, мой господин? – попытался он урезонить хмурящегося Варано. – Мы будем спать днем, а скакать ночью. Быстрее у нас ничего не выйдет.

– Спать? – прогремел Варано. – Я собирался уснуть только в Камерино, не раньше. Но раз я еду с женщинами...

Оскорбления не помогли, и день они провели в Каттолике. Если Малипьеро и думал о побеге, реализовать свои замыслы ему не удалось, и в сумерках они вновь тронулись в путь. Лошадей им дали отдохнувших, но не таких уж резвых, как хотелось бы Варано. Скакали они всю ночь, держа курс на запад, мимо Урбино, занятого мятежными капитанами герцога, затем повернули на юг, к Перголе, в которую и въехали на заре.

До Камерино оставалось лишь тридцать миль, и Варано не стал бы задерживаться в Перголе и на минуту, но вновь под рукой не оказалось лошадей. Не помогли ни щедрые посулы, ни угрозы. Ему резонно ответили, что здешние места наводнены военными отрядами, так что лошади давно разобраны. И Варано пришлось ждать, пока отдохнут кони, на которых они прискакали из Каттолики. Они пробыли в Перголе до полудня. Удрать Малипьеро не удалось и здесь, поэтому он решил сказать себя больным.

– У меня кружится голова, – простонал он. – Внутри все горит. Я уже старик, мой господин, и не гожусь для таких поездок.

Варано уставился на него налитыми кровью глазами.

– В Камерино мы найдем тебе врача.

– Но, господин мой, боюсь, я не доеду туда.

– Забудь о своих страхах, – мрачно усмехнулся Варано. – К вечеру ты будешь там, живым или мертвым.

И отошел, оставив Малипьеро в холодном поту. Но когда пришла пора садиться на лошадей, Малипьеро вновь начал жаловаться на здоровье.

– В седло! – рыкнул Варано, и Малипьеро, смирившись с ужасной смертью, уготованной ему судьбой, послушно выполнил приказ.

Так что в Камерино он прибыл меж Варано и Джанпаоло.

В городке стоял небольшой гарнизон солдат Чезаре Борджа. Действительно, значительных сил для защиты городка и не требовалось, ибо, попытайся клан Варано вновь захватить власть, против них поднялось бы все население. Под покровом сумерек Варано и его спутники прибыли на постоянный двор в предместье. Там бывший правитель Камерино их и оставил. Малипьеро – пленником, Джанпаоло – тюремщиком, а сам отправился разузнать, правдивы ли слухи об измене жены.

Малипьеро же, завернувшись в плащ, вытянулся на лавке, дрожа, как осиновый лист, в ожидании палача и дыбы. Скоро, скоро Варано узнает, что его жена чиста пред ним, и тогда... – с губ несчастного сорвался жалобный стон, привлекая внимание Джанпаоло, ужинавшего за столом.

– Вам плохо, мессер? – осведомился он. Малипьеро он любил не больше Варано, но долг христианина требовал заботиться о своем ближнем.

Малипьеро ответил новым стоном, и Джанпаоло, движимый жалостью, принес бедняге кружку вина.

Тот осушил ее залпом. Вино согрело его, и он попросил вторую. Выпил ее, а потом и третью. Вино придало ему храбрости. И Малипьеро пришел к выводу, что страхи его сильно преувеличены. Он должен предпринять попытку спастись

до того, как за него примется палач. Даже сейчас еще не все потеряно. В городе войска Борджа. Он сможет найти защиту в цитадели. Для этого достаточно уведомить командира отряда или губернатора о возвращении Варано в Камерино, и в знак благодарности они укроют его у себя.

Вдохновленный такими мыслями, Малипьеро откинул плащ и вскочил.

– Нечем дышать, мне нужен свежий воздух! – воскликнул он.

Поднялся и Джанпаоло.

– Я открою окно.

– Окно? – пренебрежительно фыркнул Малипьеро. – В этом вонючем доме окном не поможешь. Я пойду прогуляться.

Джанпаоло сразу заподозрил неладное: слишком уж разительные перемены произошли с человеком, который только-только клялся, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, и загородил собой дверь.

– Лучше подождите возвращения моего господина.

– Да я выйду лишь на несколько минут.

Но Джанпаоло помнил полученный приказ: ни на секунду не оставлять Малипьеро одного. Тем более после проявленной последним неожиданной прыткости. Едва ли вино могло добавить столько сил человеку, замертво упавшему на лавку.

– Что ж, можете прогуляться, – согласился Джанпаоло. – Только я пойду с вами.

Лицо Малипьеро вытянулось, но он быстро взял себя в руки. Пусть этот болван пойдет с ним. И сам угодит в ловушку. Но не успел он сделать и шага, как ступени заскрипели под тяжелыми шагами, распахнулась дверь, и в комнату влетел разъяренный Венанцио Варано.

* * *

Малипьеро попятился в ужасе, кляня себя за то, что так долго не мог найти столь очевидного пути к спасению. Теперь шанс упущен. Варано узнал правду, а его самого ждала дыба. Малипьеро физически почувствовал, как под грубыми руками палача выламываются суставы, рвутся сухожилия.

И вдруг произошло чудо: Варано не двинулся на него, но рухнул на стул, обхватив голову руками. И застыл под недоуменными взглядами Джанпаоло и Малипьеро. Последний никак не мог взять в толк, что все это значит.

Наконец Варано справился с нервами, поднял голову, посмотрел на Малипьеро.

– Малипьеро, с момента отъезда из Имолы я молил Бога, что есть причины, ты бы назвал их на дыбе, заставляющие тебя лгать мне. Но... – голос его сорвался. – О, на небесах не больше жалости, чем на земле. Ты сказал мне правду, отвратительную, низкую правду.

Правду! Столь неожиданны были слова Варано, что Малипьеро чуть не запрыгал от радости, в душе дав слово пожертвовать крупную сумму своему небесному покровителю, спасшему его от ужасных мучений.

Однако ему удалось скрыть внутреннее ликование, и на лице его отразилась печаль. Он облизал пересохшие губы, покачал головой, как бы говоря, что от женщин другого и не дождешься.

Ему хотелось задать Варано множество вопросов, узнать, какие тому известны подробности, но он не решался открыть рта. Впрочем, вопросы и не потребовались: Варано обо всем рассказал сам.

– Меня узнали на улице у таверны. Какой-то человек последовал за мной, догнал, окликнул. Сказал, что когда-то служил у меня, всегда питал ко мне самые теплые чувства и в эту самую ночь намеревался отправиться в Имолу, чтобы поведать, что творится здесь в мое отсутствие.

Услышав его историю, я сразу же пошел к проклятому дворцу, в котором милостью Борджа поселилась эта изменница. Но он остановил меня дельным

советом. Умолил подождать до полуночи, чтобы застать их на месте преступления. Он сам, есть же на свете добрые души, обещал следить за дворцом и оказать любую помощь, какая в его силах.

Варано поднялся. Горечь, стыд уступили место неистовому гневу. Висевшее на стене зеркало привлекло его внимание. Он подошел, потер рукой лоб.

- Ты лжешь, - проревел он и злобно рассмеялся. - Лоб гладкий, без рогов! Без рогов! У меня же рога, как у матерого оленя!

* * *

В полночь Венанцио Варано поднялся со стула, на котором недвижимо просидел больше часа. Лицо его осунулось, глаза запали.

- Пошли, - приказал он. - Уже пора.

Джанпаоло в глубокой печали, и Малипьеро, с трудом скрывающий свою радость, последовали за ним по узкой лестнице и вышли в теплую, полную осенних ароматов ночь. По крутой улочке поднялись ко дворцу на вершине холма. Миновав парадные двери, свернули в узкий проулок, подошли к калитке в высокой стене. Перед ними возник мужчина, словно материализовавшись из тьмы.

- Он внутри, - прошептал незнакомец Варано. - Прошел обычным путем. Калитку оставил незапертой.

- Как благородно с его стороны, - пробурчал Варано, сунул кошелек в руку шпиона. Распахнул калитку и первым ступил в сад, заросший густыми кустами. По темной аллее они вышли на небольшую площадку с клумбой, освещенную звездами. Варано остановился, сжал руку Малипьеро.

- Смотри, вот ее спальня.

Во всем дворце светилось лишь одно окно.

– Видишь, как оно манит. Весталка разожгла огонь, – и невесело рассмеялся.

Они приблизились ко дворцу. С ее балкона свисала шелковая лестница.

– Какая предусмотрительность, – прорычал Варано.

Вот когда растаяла последняя надежда в невинности жены, несмотря на все эти письма и рассказы добрых людей.

С проворством обезьяны Варано вскарабкался по лестнице. Перекинул через каменный парапет одну ногу, вторую. В грохоте и звоне бьющегося стекла плечом выломал дверь в спальню.

Посреди комнаты стоял высокий светловолосый мужчина, разодетый в белое и золото, словно новобрачный. Он уже снял камзол и держал его в руке. На лице его отражалось безмерное изумление.

Без единого слова Варано бросился на него, развернул спиной к себе, одной рукой обхватил за шею, завалил назад на свое колено. Бедняга, полузадушенный, увидел над собой занесенный кинжал, услышал громовой голос: «Мерзкий пес, я – Венанцио Варано. Взгляни на меня и умри!»

Кинжал вошел по самую рукоять. Варано вырвал его, тут же нанес второй удар в сердце обесчестившего его человека. Затем за руку поволок еще теплое тело к кровати, оставляя на мозаичном полу алую полосу.

– Сейчас понежишься в постельке, – бормотал он. – Понежишься. А эта шлюха... – он выпустил руку убитого и, крепко сжав кинжал, второй рукой отдернул тяжелый полог.

– Ну... – и осекся, увидев застеленную кровать.

Внезапно за его спиной распахнулась дверь. Он повернулся, страшный, забрызганный кровью.

На пороге стоял темноволосый крепыш с военной выправкой, известный каждому солдату в Италии точно так же, как и его господин.

– Микеле да Корелла! – воскликнул Варано, словно пораженный громом. – Ты же был в Имоле. Что привело тебя сюда? – и не дожидаясь ответа, задал другой, более важный для себя вопрос:

– Моя жена? Где монна Эулалия?

Корелла прошествовал в спальню. За его спиной теснились солдаты в красно-желтой форме армии Цезаре Борджа.

– Ваша жена, мой господин, в Болонье, в полной безопасности.

Варано воззрился на капитана герцога.

– Почему... почему... в ее спальне мужчина?

– Очень мерзкий тип, мой господин... Но он причинил вам куда меньше вреда, чем другой человек. Всею виной этот негодяй Малипьеро, замысливший запятнать честное имя вашей жены, монны Эулалии.

– Запятнать? – эхом отозвался Варано. – Честное имя? – Тут до него дошел смысл слов Кореллы. – Так все это ложь?

– Клянусь небом, – подтвердил Корелла. – Жители Камерино обратили испытываемую к вам ненависть на монну Эулалию, мой господин. И неделю назад она нашла убежище у своего отца в Болонье. А ее курьер прибыл в Имолу буквально через час после вашего отъезда.

Из могучей груди Варано исторглось рыдание. По обветренным щекам потекли слезы. Пусть его предали. Пусть шанс посчитаться с Борджа безвозвратно утерян. Главное в другом – честь его спасена, жена не изменила ему.

А Корелла тем временем излагал подробности преступной интриги, позволившей Малипьеро увезти Варано из Имолы, чтобы в его отсутствие Цезаре Борджа мог без труда разметать осаждавших замок наемников. Таким путем старший Малипьеро хотел спасти жизнь сына, которого герцог намеревался повесить за шпионаж и покушение на свою жизнь. Сама идея Цезаре понравилась, но он презирал предателя и не согласился на условия последнего, лишь пообещав, что

рассудит по справедливости.

– В полном соответствии с желаниями моего господина, – продолжал Корелла, – я привез в Камерино и поселил в этих покоях человека, вверенного мне его светлостью. Я предполагал, что он попытается бежать, воспользовавшись лестницей, свисающей с балкона, а вы встретите его внизу. Но ваше нетерпение...

– Клянусь Богом! – взревел Варано. – Чезаре Борджа ответит за то, что мне пришлось убить невинного человека.

Корелла покачал головой.

– Да вы, я вижу, ничего не поняли, – он указал на труп. – Это же Густаво Малипьеро.

Варано отпрянул.

– Густаво Малипьеро? Его сын? – и он мотнул головой в сторону балконной двери.

– Его сын, – кивнул Корелла.

– Святой Боже, – прохрипел Варано. – Такова, значит, справедливость твоего герцога?

– Да, господин мой, воздать должное убийце, что лежит перед вами, и предателю, что ждет снаружи. Поразить обоих одним ударом, нанесенным вами, то есть тем, кого предал Малипьеро, воспользовавшись планом, предложенным последним. Именно так воспринимает справедливость мой герцог.

Варано посмотрел на Кореллу.

– Особенно, если все это служит и его замыслам.

Корелла пожал плечами, но Варано уже отвернулся от него. Поднял тело убитого и вышел с ним на балкон. Перекинул через парапет на траву.

– Вот, Малипьеро, награда за твою службу. Бери ее и сгинь.

Глава 2. Испытание

В армии Цезаре Борджа служил молодой офицер-сицилиец, Ферранте да Исола. За мужество на поле боя и мудрость на военном совете он быстро выдвинулся на первые роли и стал одним из самых доверенных капитанов герцога.

Этот Ферранте был внебрачным сыном правителя Исолы, но, учитывая многочисленность законного потомства последнего, справедливо рассудил, что осуществление его честолюбивых замыслов на родной Сицилии весьма проблематично, ибо похвастаться он мог лишь юностью да мужеством, сильным телом да интересным лицом, острым умом да отзывчивым сердцем. Вот и покинул он дом отца в поисках рынка, на котором пользовался бы спросом предлагаемый им товар. В Рим Ферранте прибыл осенью 1500 года, когда папе исполнилось семьдесят лет, подгадав аккурат ко второй военной кампании Цезаре Борджа в Романье. Тут его услуги приняли с благодарностью. Храбрость и находчивость Ферранте не остались незамеченными, он быстро продвигался по службе, а когда Тиберти убило разрывом ядра у стен Фаэнцы, занял его место. То есть за шесть месяцев прошел путь от новобранца армии Борджа до командира кавалерийского отряда, участника военных советов, пользующегося полным доверием герцога.

Столь значительные достижения за ничтожно малый промежуток времени указывали на то, что перед Ферранте открываются блестящие перспективы. Он чувствовал, что его ждут великие дела, и в уверенности за свое будущее позволил себе влюбиться.

Случилось это следующим летом, когда армия возвращалась домой из похода на Болонью, значительно поредевшая: часть войск осталась в покоренных городах, а немалые силы герцог послал к Пьомбино. Сам Цезаре Борджа обосновался в милом городке Лояно, ожидая ответа Синьории Флоренции на свою просьбу пропустить войска через Тоскану и размышляя, как с наименьшими потерями разделаться с городом-крепостью Сан-Часкано, защитники которого не желали сдаваться, несмотря на падение Фаэнцы.

Этот Сан-Часкано занозой сидел в теле новых владений герцога. Раздавить его не составило бы труда, двинув на него всю армию и продержав две или три недели под непрерывным огнем бомбард. Но не было у герцога этих недель. Папа требовал его возвращения в Рим. Король Франции нуждался в его поддержке в войне с Неаполем, так что не мог он обрушиться всей мощью на непокорных жителей крошечного городка. Не мог бросить на его осаду даже сильного отряда, так как войска требовались под Пьомбино.

Таким образом для штурма Сан-Часкано оставались лишь части, расквартированные в Романье, довольно малочисленные, и взять город он мог лишь хитростью, потому-то тщательно обдумывал свой следующий шаг. Недостатком хитрости герцог не страдал и ждал лишь подходящего случая, который и не замедлил представиться благодаря тому, что, находясь в Лояно, наш юный Ферранте воспылал любовью к Кассандре, единственной дочери главы рода Дженелески.

Впервые капитан увидел ее в церкви Благовещения, куда он заглянул, чтобы полюбоваться знаменитой фреской мессера Масаччио, ибо почитал себя поклонником изящных искусств и, очевидно, какое-то время изучал работу знаменитого мастера, хотя мы и не знаем, понравилась ли она ему или нет. Ибо очень скоро образ Кассандры из дома Дженелески полностью затмил мадонну кисти мессера Масаччио.

Из церкви он вышел на закате дня, и не имело смысла спрашивать его, какого цвета покрывало мадонны на картине, которую он лицезрел несколькими часами раньше. Зато с мельчайшими подробностями Ферранте мог бы описать особенности наряда живой мадонны, которую буквально пожирал взглядом. И говорил бы с вдохновением, разве что не стихами. Впрочем, любовь с первого взгляда обращает в поэта и самого сурового мужа.

К сожалению, он не смог поделиться с дамой обуревавшими его чувствами, ибо ее сопровождала пожилая женщина, которая не допустила бы, чтобы кто-либо, а тем более полный незнакомец, начал признаваться в любви той, кого она охраняла.

Прежде всего внимание капитана привлекла походка Кассандры. А уж потом, потрясенный красотой девушки, он и думать забыл о творении Масаччио: искусство потерпело поражение в соперничестве с открывшимся Ферранте творением природы.

Ферранте достало ума первым приспеть к чаше со святой водой, окунуть в нее руку и галантно предложить даме прикоснуться к блестящим на пальцах капелькам. Кассандра не отказала кавалеру в любезности, скромно потупив очи, но до того одарив его взглядом, едва не ослепившим Ферранте. Он даже попятился, наткнувшись спиной на стоявшую на порфириновом пьедестале чашу, и не заметил, что заслонил дорогу к последней пожилой женщине. И дуэнья злобно глянула на молодого красивого капитана, помешавшего ей выполнить святой долг.

В сгущающихся сумерках женщины пересекли маленькую площадь перед церковью, а Ферранте так и застыл у дверей, глядя им вслед. И видел он не их спины, но овальное личико цвета старой слоновой кости, обрамленное блестящими черными волосами в золотой сеточке, губы, алые, как лепестки цветов граната, глаза, синие, как Адриатика, единственный взгляд которых пронзил его насквозь.

Наконец он шевельнулся. И двинулся за женщинами, уже свернувшими в одну из узеньких улиц. В такое время, решил он, негоже молоденькой девушке находиться вне дома под охраной всего лишь дуэньи. В городе полно солдат, агрессивных швейцарцев, горячих гасконцев, страстных испанцев, развеселых итальянцев. И даже железная дисциплина герцог не могла спасти девушку от последствий встречи с подобной братией, особенно ночью. Ферранте похолодел от мысли о тех оскорблениях, которым может подвергнуться невинное создание, и ускорил шаг. Догнал женщин и, как оказалось, в самое время.

Четверо мужчин, он узнал в них кавалеристов своего отряда, шли навстречу цепью, взявшись за руки, во всю ширину мостовой. Девушка, испугавшись, уцепилась за руку своей старшей спутницы. Солдаты же сыпали солеными шуточками и уже готовились взять женщин в кольцо, когда сзади послышались быстрые шаги, звяканье шпор и суровый голос, которому они подчинились незамедлительно, освободив женщинам путь.

Дуэнья подняла голову и увидела высокого капитана, чуть раньше подавшего святую воду ее госпоже. На лице ее отразилось облегчение, ибо и на нее произвело впечатление столь резкое изменение в поведении солдат, но тут же оно уступило место сомнению в искренности мотивов вмешательства незнакомца.

А Ферранте, со шляпой в руке, уже галантно кланялся юной Кассандре.

– Мадонна, вы можете продолжить свой путь, но для вашей безопасности я предпочел бы сопроводить вас. В Лояно слишком много солдат, а мое присутствие избавит вас от неприятных встреч.

Но ответила дуэнья, прежде чем девушка успела открыть рот, и Ферранте, мечтавший услышать ангельский голосок девушки, даже рассердился.

– Мы уже почти пришли, мессер. Братья мадонны, несомненно, отблагодарят вашу светлость.

– Я не требую благодарности, – отмахнулся Ферранте и добавил уже мягче:

– И сочту за честь, если мадонна позволит мне сопровождать ее.

И вновь дуэнья опередила девушку с ответом, навязчивость капитана представлялась ей все более подозрительной. Свое раздражение Ферранте выплеснул на четверых солдат, стоявших рядом и перемигивающихся между собой. У них-то не вызывало сомнений, что их командир преследует ту же цель.

– Если у вас нет желания попасть в руки начальника военной полиции, вам следует помнить приказы герцога и уважать всех жителей города и их собственность.

Солдаты выслушали его молча, но, отойдя на дюжину шагов, Ферранте услышал приглушенный смех, и один из них, копируя его интонации, произнес: «Вы должны уважать всех жителей города и их собственность, помните об этом».

– А когда житель города – собственность капитана, во всяком случае, он кладет на нее глаз, вы должны поискать добычу в другом месте, как меньшие братья святого Франциска!

Ферранте вспыхнул и едва не повернул назад, чтобы воздать должное шутнику, но перехватил взгляд пожилой женщины, злобный, недружелюбный, и разозлился еще больше.

– До чего же грязные у солдат мысли, – прокомментировал Ферранте, наклонившись к ней. – Тут они могут потягаться с дуэньями.

Дуэнья залилась краской, но ответила сдержанно, не давая воли чувствам.

– Думаю, мессер, мы более не нуждаемся в ваших услугах. Одни мы будем в полной безопасности.

– Вы хотели сказать, «в большей безопасности, чем со мной», – бросил Ферранте и повернулся к девушке. – Я надеюсь, мадонна, вы не разделяете беспочвенных страхов вашей служанки?

И опять он не услышал ее голоса, ибо заговорила дуэнья.

– Но я сказала, мессер, что мы будем в полной безопасности. Если вы вкладываете в мои слова тайный смысл, пусть это останется на вашей совести.

Не успела она закончить фразу, как из-за угла появились два коренастых швейцарца. Крепко выпивши, они громко пели. Ферранте глянул на них, потом на дуэнью, с улыбкой отметив, что ее широкое лицо исказилось страхом. Она уже сожалела о том, что предложила капитану откланяться.

– Женщина, – изрек он, – вы – словно утлый челн между Сциллой и Харибдой, – а, наклонившись, доверительно добавил:

– Поверьте мне, учтивость в подобных ситуациях – лучший лоцман, – и молча повел их мимо шумных швейцарцев.

Вот так, без единого слова, они дошли до величественного дворца на главной улице города. Над парадной дверью стоящие на задних лапах львы поддерживали монументальный каменный герб, но в сгустившихся сумерках Ферранте не мог разглядеть, что на нем изображено.

Женщины остановились, и он решил, что теперь-то услышит голосок девушки. Всмотрелся в бледный овал лица. Где-то вдали пел мальчик, вдоль улицы шли два солдата, громко переговариваясь, и Ферранте мысленно выругал их всех, ибо посторонние шумы могли помешать ему насладиться музыкой девичьего

голоска. Но вновь его ждало жестокое разочарование. Рот раскрыла дуэнья, и в тот момент он буквально возненавидел ее голос.

Она же коротко поблагодарила капитана и отпустила его. Отпустила, словно слугу, на пороге дома, она, сказавшая ранее, что братья мадонны должны поблагодарить его. Действительно, он сам отказался от благодарностей, так что винить ему было некого, но элементарная вежливость требовала хотя бы пригласить его в дом. Да, дуэнья знала, как насолить ему. Правда, девушка улыбнулась на прощание и даже сделала реверанс, но что есть улыбка и реверанс для того, кто жаждал нескольких слов?

Ферранте ответил глубоким поклоном и отвернулся, рассерженный и обиженный, а женщины исчезли во дворце. В то же мгновение капитан схватил за плечо проходившего мимо горожанина. Тот сжался под могучей рукой, готовясь к худшему.

– Чей это герб? – спросил Ферранте.

– Что? Герб? – едва до горожанина дошла суть вопроса, у него отлегло от сердца. – А, вот вы о чем. Это герб Дженелески, ваше высочество.

Ферранте поблагодарил его и зашагал в казарму своего отряда.

Вот так внезапно Ферранте стал едва ли не самым набожным человеком в армии Чезаре Борджа. Ежедневно он приходил в церковь Благовещения к ранней утренней мессе, хотя вела его туда не забота о спасении собственной души. Он появлялся там лишь для того, чтобы полюбоваться Кассандрой де Дженелески. К тому времени он уже узнал, как ее зовут.

За какую-то неделю капитан разительно изменился. Ранее он был солдатом до мозга костей, как и должно командиру отряда, и держал своих подчиненных в железной узде, полагая их телом, а себя – головой. Теперь же превратился в мечтателя, чуть ли не начисто забывшего о своих прямых обязанностях, хватка его ослабла, и кавалеристы, подметившие перемену в Ферранте, мгновенно забыли о дисциплине, начав нарушать указы Борджа. Посыпались многочисленные жалобы местного населения, и дело дошло до того, что герцог вызвал Ферранте и сурово отчитал его.

Ферранте вяло оправдывался, ссылаясь на то, что ничего не знал. Герцога подобное объяснение не удовлетворило, и он предупредил капитана, что отстранит его от командования, если нарушения будут повторяться. Из дворца Ферранте вышел, кипя от гнева, готового излиться на его подчиненных, о которых он позабыл, захваченный мыслями о прекрасной Кассандре.

Наступил кризис. Более так продолжаться не могло. Каждодневное любование красавицей не насыщало душу. Наоборот, усиливало раздражение. Попытки завязать разговор в корне пресекались суровой дуэньей, и потому, движимый отчаянием, Ферранте решил, что настала пора вводить в бой тяжелую артиллерию, избрав в качестве снаряда письмо, в котором красочно описал, что творится у него на душе.

– «*Soavissima Cassandra, Madonna diletissima*, – писал он очинённым пером орла, приносящим счастье в любовных делах. – Вам, конечно, доводилось слышать о Прометее, вам известно о страданиях, которые испытывал он, терзаемый птицей Юпитера, которая прилетала каждый день и рвала его печень. Эта грустная история не могла не тронуть вашего нежного сердца. И вам понятно, сколь бесконечна моя душевная боль, как каждодневно рвется мое сердце, ибо вижу я вас только издалека, прикованный к черной скале отчаяния. Сжальтесь надо мной, *Madonna mia...*» – если бы не любовный жар, он сам бы посмеялся над гиперболами, лежащими на бумагу из-под его пера.

Это безумное письмо Ферранте отправил с оруженосцем, наказав передать его только в руки Кассандры. Что оруженосец и сделал, остановив ее у парадной двери дворца. Однако письмо непрочитанным перекочевало к Леокадии, бдительной дуэнье. Она бы с удовольствием прочитала письмо, но грамоте ее не выучили, так что письмо пришлось отнести братьям Кассандры, коим она и сообщила, что автор скорее всего – капитан армии Борджа, в последнюю неделю ставший чуть ли не их тенью.

Тито, старший из братьев, нахмурившись, выслушал дуэнью, а затем прочел письмо, рассмеялся и передал его Джироламо. Последний, ознакомившись с содержанием письма, выругался и велел Леокадии привести сестру.

– Кто этот Ферранте? – осведомился он, когда дуэнья скрылась за дверью.

ито, меривший шагами комнату, резко остановился и пренебрежительно хмыкнул.

– Внебрачный сын правителя Исолы, что на Сицилии, от крестьянки, авантюрист без гроша в кармане, жаждущий породниться с нами и использовать наше высокое происхождение в своих целях.

– Цель-то у него одна, – Джироламо уселся поудобнее. – А ты, я вижу, хорошо осведомлен.

– В этом нет ничего удивительного, в армии Борджа он – не последний человек, командует кавалерийским отрядом. И из себя парень видный. А Кассандра, будучи женщиной и дурой... – и он развел руками.

Джироламо насупился.

Оба брата, смуглокожие, с крючковатыми носами, возрастом были значительно старше сестры и питали к ней скорее родительские чувства.

А тут вошла и она, в сопровождении Леокадии, с глазами, затуманившимися от страха.

Джироламо поднялся, предлагая сестре сесть на стул. Та улыбнулась в ответ, села, сложив руки на подоле синего платья.

Первым заговорил Тито.

– Итак, Кассандра, у тебя, похоже, появился кавалер.

– Ка... кавалер? – переспросила она. – Его выбрал ты, Тито? – голосок не слишком приятный, скорее пронзительный, лишенный эмоций, выдающий безволие, если не слабоумие его обладательницы.

– Я, детка? – Тито расхохотался. – Отнюдь! И не строй из себя саму невинность. Прочитай это письмо. Оно адресовано тебе.

Кассандра взяла из рук Тито лист бумаги, брови ее сошлись у переносицы. Медленно, с большим трудом начала разбирать почерк своего кавалера-солдата. Наконец сдалась, повернулась к Джироламо.

– Пожалуйста, прочти мне письмо. Я не сильна в грамоте, да и не разбираю почерк.

– Ба! Дай-ка его мне! – Тито вырвал письмо у сестры и прочитал его вслух.

Затем посмотрел на нее. Кассандра ответила ничего не выражающим взглядом.

– Кто этот мессер Прометей? – осведомилась она.

Тито яростно сверкнул глазами, разъяренный столь глупым вопросом.

– Зарвавшийся наглец, такой же, как и автор письма, – рявкнул он, потрясая письмом. – Но не о Прометее сейчас речь, а об этом Ферранте. Кто он для тебя?

– Для меня? Да я его знать не знаю.

– Ты видела его не единожды? Говорила с ним?

Тут вмешалась Леокадия.

– Нет, мой господин. Я за этим слежу.

– Ясно! – кивнул Тито. – Но он обращался к тебе?

– Каждый день он стремится заговорить с ней. Когда мы выходим из церкви.

Тито бросил на дуэнью сердитый взгляд, вновь повернулся к сестре.

– Этот человек пытается ухаживать за тобой, Кассандра.

Девушка хихикнула. В основании ее веера из белых страусиных перьев блестело маленькое зеркало. В него-то она и разглядывала собственное отражение.

– Ты этому очень рада? – подал голос Джироламо. В вопросе слышался сарказм, но он говорил мягче, чем брат.

Кассандра опять хихикнула, оторвалась от зеркала.

– Я очень мила. А этот господин – не слепец.

Тито невесело рассмеялся, чувствуя опасность. Такие тщеславные дуры, как их сестра, а в отношении ее он не питал никаких иллюзий, падки на мужское внимание и в своей безответственности могут зайти сколь угодно далеко. Поэтому требовалось срочно вправить ей мозги.

– Дура, неужели ты полагаешь, что этого прохиндея привлекли белоснежная кожа твоего лица и детские невинные глазки?

– А что же еще? – брови Кассандры удивленно взлетели вверх.

– Имя Дженелески и твое приданое. И ничего более.

Миловидное, глупенькое личико вспыхнуло.

– Правда? – она повернулась к Джироламо. – Так ли это? – голосок ее обиженно задрожал.

Джироламо печально вздохнул.

– Вне всякого сомнения. Мы знаем это наверняка.

Глазки Кассандры заблестели слезами.

– Благодарю вас за своевременное предупреждение, – тут они поняли, сколь она взбешена. Еще бы, уязвленное тщеславие. Кассандра встала. – Теперь я знаю, что сказать, если этот человек вновь обратится ко мне. – И, помолчав, добавила:

– Должна ли я написать ответ?

– Пожалуй что нет, – заметил Тито. – Молчание – лучший способ показать свое презрение. Кроме того, – он хохотнул, – твой почерк разобрать еще сложнее, чем его, и, возможно, он не правильно истолкует твои намерения.

Кассандра стукнула каблучком, развернулась и удалилась вместе с Леокадией.

Тито посмотрел на Джироламо, сел.

– Ты был на высоте, – улыбнулся последний. – И полностью убедил ее в своей правоте.

– Пустяки, – пожал плечами Тито. – Женское тщеславие – инструмент, на котором может сыграть любой дурак. Между нашей сестрой и этим Ферранте надо воздвигнуть неприступную стену, а что может быть лучше надгробного камня? И я позабочусь об этом. Мы должны наказать сицилийского выскочку. Как он только посмел, как посмел!

Джироламо скептически улыбнулся.

– А по-моему, хватит и того, что мы сделали. Уймись. Ни к чему навлекать на себя опасность. Этот исольский выродок пользуется доверием Цезаре Борджа. Если ему причинят вред, герцог заставит нас дорого за это заплатить.

– Возможно, – раздумчиво примолвил Тито и в тот вечер вопрос этот больше не затрагивал, скорее всего потому, что еще не нашел способа осуществить желаемое.

Но на завтра, когда он отправился ко двору, чтобы засвидетельствовать свое почтение герцогу, хотя и не питал к нему добрых чувств, в приемной до него донеслись обрывки разговора, вернувшего его к вечернему спору с братом. Речь шла о Ферранте. Собеседники обсуждали происходящие с капитаном перемены: падение дисциплины в его отряде, ранее считавшемся образцовым, неудовольствие герцога, вызванное сложившимся положением дел. Вот тут-то мессера Тито и осенило. Не теряя ни минуты, он отправился на поиски одного из пажей, чтобы попросить личной аудиенции у герцога.

* * *

Чезаре работал с секретарем в залитом солнцем просторном кабинете с балконом, выходящим в цветущий сад. Под диктовку герцога Герарди писал письмо мессеру Рамиро де Лоркуа, назначенному Борджа губернатором Форли. В письме излагались возможные варианты взятия Сан-Часкано, и молодой герцог диктовал, с улыбкой прохаживаясь по кабинету, ибо наконец он нашел способ разделаться с непокорными.

Герарди поставил точку, встал и направился с письмом к герцогу, чтобы тот поставил свою роспись, когда вошедший паж объявил, что мессер де Дженелески просит о личной аудиенции.

Чезаре застыл с пером в руке, глаза его сузились.

– Дженелески, значит? – голос звучал сурово. – Пригласи его.

И посмотрел на секретаря.

– Зачем он явился, Агабито? Всем известна его дружба с Болоньей, и тем не менее он постоянно отирается при моем дворе, а теперь вот пожелал встретиться со мной наедине. Я не удивлюсь, если он окажется шпионом Бентивольи и сторонником защитников Сан-Часкано.

Герарди пожевал нижнюю губу, затем покачал головой.

– Мы внимательно следили за ним, мой господин. Но не заметили ничего подозрительного.

– Ну-ну, – чувствовалось, что сомнения герцога не развеялись.

Тут открылась дверь, и паж ввел в кабинет мессера Тито де Дженелески. Герцог вновь склонился над письмом, подписал его «Чезаре» и протянул Герарди, чтобы секретарь скрепил его печатью. Затем медленно повернулся к Тито, стоявшему посреди комнаты, словно лакей в ожидании распоряжения хозяина.

Взгляд прекрасных глаз герцога пробежался по коренастой фигуре, мелодичным голосом он предложил посетителю изложить свое дело.

– Ваша светлость, я к вам с жалобой.

– На моих людей? – тон герцога указывал на то, что он готов во всем разобраться по справедливости, не защищая виноватых.

– На некоторых солдат вашей армии.

– Ага! – герцог, несомненно, оживился. – Прошу вас, продолжайте, мессер. Расскажите, в чем они провинились?

И Тито изложил выдуманную историю, согласно которой в трех случаях его сестре и ее служанке пришлось выслушивать непристойные предложения от неких солдат, в результате чего женщины боятся выходить из дому, если их не сопровождают вооруженные слуги.

Глаза Цезаре полыхнули огнем.

– Эти безобразия надо пресекать. Можете вы помочь мне найти этих охальников?

– С удовольствием. Они из отряда мессера Ферранте да Исола.

Теперь уже негодование прорвалось и в голосе герцога.

– Опять Ферранте! Это переходит все границы, – и тут же последовал неожиданный вопрос:

– Как вы узнали, что они из отряда Ферранте?

Вопрос застал Тито врасплох. Он и представить себе не мог, что Цезаре Борджа поинтересуется подобными мелочами. Обычно правители были выше этого, так что готового ответа у Тито не нашлось, и ему не осталось ничего другого, как глупо улыбнуться. А взгляд герцога сразу стал жестким и подозрительным.

Молчание затягивалось, Тито рассмеялся, чтобы скрыть свое смятение, потом-таки заговорил.

– Ну... Во-первых, они были конные, а во-вторых, я понял это по некоторым фразам.

– Ага! – воскликнул герцог. – Каким именно?

– Видите ли, ваша светлость, – Тито уже преодолел замешательство, – я передаю вам лишь то, что услышал от моей сестры и ее служанки. К сожалению, мне не пришло в голову выяснить у них все досконально.

Чезаре покивал.

– Вам известно, как раньше вершился суд в Италии. И вас, похоже, это вполне устраивало. Меня – нет. Ваше упущение нетрудно исправить. Я предпочитаю знать все подробности, чтобы потом никто не мог укорить меня в предвзятости. Агабито, пошлите курьера за сестрой мессера Тито и ее служанкой.

Но не успел Агабито дойти до двери, как герцог остановил его. Выражение лица Тито, превратившегося в каменную маску, рассказало ему обо всем, что он хотел знать.

– Подожди, – тут Чезаре откинулся на спинку стула, положил руки на стол, улыбнулся. – В конце концов, есть ли в этом необходимость? Нет, нет, Агабито, мы можем поверить мессеру Тито на слово. Несомненно, женщины узнали солдат Ферранте по нарукавным нашивкам.

– Да, да, – с жаром подхватил Тито. – Точно так, ваша светлость. Совершенно вылетело из головы.

– В этом нет ничего удивительного. Такая мелочь. Но теперь раз вы вспомнили о нашивках, не затруднит вас сказать, какого они цвета?

Брови Тито сошлись у переносицы, он обхватил пальцами правой руки чисто выбритый подбородок, всем своим видом показывая, что роется в тайниках памяти.

– Дайте подумать. Ну конечно, вспоминаю, вспоминаю. Они...

– Белые с синим, не так ли? – подсказал герцог.

Тито ударил кулаком в раскрытую ладонь.

– Ну, конечно, белые с синим. Белые с синим! Разумеется, белые с синим. Как я мог забыть?

Агабито низко склонился над лежащими на столе бумагами, чтобы спрятать улыбку, которую не смог сдержать – никаких нарукавных нашивок у кавалеристов Ферранте не было.

– Я с этим обязательно разберусь, – пообещал Чезаре Борджа. – Вызову Ферранте и допрошу его. Агабито, распорядись, – приказал герцог и наклонился вперед.

Тито, разумеется, лгал, но теперь герцогу хотелось знать, против кого направлен удар. Только ли Ферранте хотел навредить жалобщик? И Чезаре попытался найти ответ на свой вопрос.

– Я искренне огорчен случившимся, мессер Тито, – продолжил он. – Обычно мои войска не дают повода для жалоб. Они хорошо вымуштрованы. Но этот Ферранте! Ума не приложу, что его гложет?

– Не сказывается ли влияние его теперешних друзей? – предположил Тито, переходя к следующему этапу намеченного плана.

– О? А с кем же он нынче водит дружбу?

Тут Тито вроде бы дал задний ход.

– О нет, я допустил бестактность. Сказал больше, чем следовало. Прошу извинить меня, ваша светлость.

– Мессер Тито, – голос герцога посуровел, – я не люблю, когда со мной говорят загадками. Кто, как не я, имеет право знать обо всем, что творится в моих владениях?

– Но, мой господин, умоляю вас! Никаких загадок. Просто, что я хотел сказать... о чем подумал... может... может... – и он беспомощно развел руки.

– Может что? – спросил Борджа. – Прошу вас, хватит ходить вокруг да около. В приемной ждут другие. Говорите, мессер Тито. С кем, вы утверждаете, встречается Ферранте де Исола?

– Утверждаю? О, ваша светлость!

– Тогда заявляете, мне без разницы. Так я вас слушаю. С кем, вы слышали, он гуляет?

– Слышал? Неужели я могу обвинить человека понаслышке? О нет. Я говорю лишь о том, что видел сам. И не один раз. Ваш капитан сидел за одним столом в таверне постоялого двора с господами из Болоньи, которых я знаю. Возможно, они лишь пили вино. Возможно.

Глаза Борджа превратились в ледышки.

– Означают ли ваши слова, что Ферранте де Исола вступил в сговор с моими врагами?

– О, господин мой, умоляю вас, не делайте поспешных выводов. Я поделился с вами лишь тем, что видел. Об остальном вы можете догадаться сами.

– Если возникнет такая необходимость, вы сможете повторить все это под клятвой?

– Готов хоть сейчас, если вы сомневаетесь в моей честности, – с достоинством ответил Тито.

– И наказание за лжесвидетельство вас не смущает?

– Я говорю правду, – возразил Тито.

Чезаре помолчал, пальцы его перебирали русую бородку, на губах играла легкая улыбка. Затем пожал плечами и посмотрел собеседнику прямо в глаза.

– Мессер Тито, я вам не верю.

Злобная гримаса исказила лицо Дженелески, смуглые щеки побагровели. Лгать-то он лгал, но никак не ожидал, что ему скажут об этом столь прямо и откровенно, да еще при свидетеле. В Италии хватало мужчин, которые при подобном оскорблении бросились бы на герцога с мечом или кинжалом. Но Дженелески не входил в их число.

– Ваша светлость, – свои протест и возмущение он смог выразить лишь голосом, – вы забываете, что я – Дженелески.

Герцог широко улыбнулся, продемонстрировав белоснежные зубы. Встал. Прошелся к окну.

– Тогда и вы забываете, что я – Чезаре Борджа, – и встретился с Тито взглядом. – Сколь велико мое отвращение к лжецу, столь же сильно люблю я честную, преданную мне душу. И именно такова душа Ферранте да Исола.

– Доканчивайте вашу мысль, ваша светлость! – гневно воскликнул Тито.

– А есть ли в этом необходимость? – усмехнулся Чезаре.

Дженелески едва не задохнулся от негодования. Но сумел сдержать охватившую его ярость, напомнив себе, с кем имеет дело. И лишь низко поклонился, ниже, чем требовал этикет.

– Позвольте мне откланяться, ваша светлость.

– Это самое большее, что я могу для вас сделать, – и Борджа отпустил его взмахом руки.

Но у двери его остановил голос герцога.

– Подождите, мессер Тито. Вам могло показаться, что я обошелся с вами грубо, – глаза его внезапно сузились, но Тито этого не заметил. – Вы можете доказать мне, что я ошибся, не приняв всерьез ваше предупреждение о предательстве

этого человека. Справедливости ради, мне следует сначала убедиться, что Ферранте передо мной чист, а уж потом обвинять вас во лжи.

– Признаюсь, ваше высочество, что такая же мысль посетила и меня, – с легкой усмешкой, не ускользнувшей от герцога, ответил Тито.

– Однако напомню вам, – добавил герцог, – что любовь Ферранте к вашей сестре не составляет для меня тайны, как и то, что вы и ваш брат видите в нем выскочку низкого происхождения. И его ухаживания за монной Кассандрой вы воспринимаете как оскорбление и с радостью перерезали бы ему горло, если бы не страх перед суровым наказанием, которое ждет тех, кто поднимет руку на моего офицера. Учитывая, что мне все это известно, спросите себя, как я могу поверить вашим обвинениям, не подкрепленным никакими доказательствами? Тем более что человек, против которого они выдвинуты, с дюжину раз проявил свою верность и преданность.

Мессер Тито, конечно, не ожидал, что герцог так много знает, но замешательство было недолгим. Он понял, что нет нужды отрицать свою предвзятость по отношению к Ферранте. И в то же время следует упираться на другое: приход его обусловлен стремлением уберечь герцога от предательства. И он, мол, пришел бы, даже если бы предателем оказался родной брат.

Услышав последнюю фразу, Чезаре улыбнулся, и улыбка эта вновь разъярила Тито.

– Вы сказали, что мои обвинения ничем не подкреплены, ваша светлость. В Лояно слово Дженелески не требует дополнительных доказательств.

– Я этого не отрицаю. Но почему лишь на основании слов я должен отказаться в доверии Ферранте, который не давал повода усомниться в его преданности мне?

– Я вас предупредил, ваша светлость, – упорствовал Тито. – Больше мне нечего добавить.

Герцог повернулся к окну, окинул взглядом красные крыши Лояно. Вновь посмотрел на мессера Тито.

– Измену Ферранте необходимо доказать. Я испытаю его. Если он подведет меня, я извинюсь перед вами за недоверие. Но кара постигнет вас, если мое поручение будет выполнено. Принимаете вы такие условия?

Дженелески понимал, что в его обвинениях нет ни грана правды. Знал он и о беспредельной верности Ферранте герцогу. Но не мог отступить.

– Принимаю, – твердо заявил он, решив бороться до конца.

Борджа задумчиво оглядел его, вернулся к столу, взял только что запечатанный пакет – письмо к Рамиро де Лоркуа.

– В Имоле Рамиро де Лоркуа с двумя тысячами солдат ждет моего приказа начать штурм Сан-Часкано. Вот этот приказ. Ферранте знает, что Касерта и защитники Сан-Часкано дорого заплатят за его содержимое. Сегодня вечером Ферранте повезет это письмо в Имолу. Это и будет испытанием.

– Но, ваша светлость, – в притворном испуге воскликнул Тито, – он же может предать вас. Вы представляете, какими могут быть потери?

– Представляю, мессер Тито, – с непроницаемым лицом ответил герцог. – Только этим я могу оправдаться перед собой за испытание верности Ферранте, – с этим он и отпустил Дженелески.

* * *

Тито Дженелески вернулся домой расстроенным. Все обернулось совсем не так, как он предполагал, добиваясь аудиенции у герцога. У него создалось впечатление, что его подхватил водоворот и понес помимо его воли. Во всяком случае, он и подумать не мог о подобном исходе. Мучило его и дурное предчувствие: как обойдется с ним Борджа, когда Ферранте с триумфом выдержит испытание. В последнем сомнений не было, ибо едва ли кто мог сравниться преданностью герцогу с Ферранте. И Тито знал, что угрозы Борджа – не пустые слова. К тому же теперь от него требовались конкретные действия. Каким-то образом он должен был добиться того, чтобы Ферранте не доставил письмо по назначению. Значит, оставалось найти средства, обеспечивающие эту цель, составить план. То есть обстоятельства сложились так, что, защищая себя,

он становился активным противником Чезаре Борджа. Ферранте должен оступиться, а Чезаре – заплатить за свои слова: «Я вам не верю».

Тито решил посоветоваться с братом. Тот выслушал, все более хмурясь, а потом отругал его последними словами. Тито, естественно, рассердился.

– Сделанного не вернешь, – прервал он Джироламо. – Давай лучше обсудим, что нам предпринять.

– Ну-ну, – хмыкнул младший брат. – Так ты полагаешь, мы еще что-то можем?

Тито ответил незамедлительно, поскольку решение уже созрело.

– Мы должны ознакомить с содержанием письма защитников Сан-Часкано. Тем самым будут нарушены планы герцога, и он сможет убедиться, что Ферранте – предатель.

В глазах Джироламо отразился испуг.

– Да, этого бы тебе хотелось. Но слишком рискованно. Пожалуй, и невозможно.

– Ты так думаешь? Ха! – раздражение переполняло Тито. – Говоришь, невозможно? – и он, похоже, обрушил бы на брата град проклятий, но в этот самый момент его озарило. И поднявшаяся было волна ярости мгновенно схлынула. Глаза вспыхнули победным огнем. На тонких губах заиграла торжествующая улыбка. – Невозможно, значит? – повторил он таким тоном, что Джироламо сразу понял: задача решена. Но Тито поначалу оставил брата в неведении и послал за Кассандрой.

– Причем здесь Кассандра? – удивился Джироламо.

– Это наш главный козырь, – уверенно ответил Тито.

Когда девушка вошла, он пододвинул стул к столу, предложил ей сесть, поставил перед ней чернильницу, перья, положил чистый лист бумаги.

– Сейчас ты напишешь письмо, Кассандра. Своему разлюбившему кавалеру, этому Ферранте да Исола.

В ее глазах отразилось изумление, но глупенькое, пусть и очаровательное личико осталось бесстрастным.

– Ты признаешься, что тронута его письмом до глубины души. У тебя есть душа, не так ли, Кассандра? – он пренебрежительно хохотнул, ибо отсутствие большого ума у сестры, особенно подчеркнутое ее красотой, раздражало его.

– Фра Джорджио говорил мне, что да, – она осталась нечувствительной к тонкой иронии.

– Фра Джорджио – дурак, – отрезал Тито.

– Нельзя так говорить, Тито, – укорила его сестра. – Фра Джорджио учит меня, что насмешничать над монахами – грех.

– Похоже, он знает, насколько смешон, поэтому и вдалбливает всем и вся, что смеяться над ним нельзя. Но нас больше интересует не он, а мессер Ферранте.

– Да, Тито, – потупила взор Кассандра.

– Ты напишешь, что глаза у тебя наполнились слезами, когда ты подумала о его сердце, разрывающемся на части, словно печень Прометея, и тебе захотелось познакомиться с ним поближе.

– Ничего мне не захотелось. Он чересчур высокий, тощий, уродливый. И безбородый. Мне нравятся мужчины с бородой.

– Молчи! – рявкнул Тито. – И слушай меня. Пиши, как я тебе говорю. Твои мысли не имеют к этому письму никакого отношения. Далее добавь, что мы, Джироламо и я, в отъезде и ты просишь его прийти к себе на закате. Через садовую калитку. Такая романтичность, несомненно, понравится этой сицилийской собаке, не так ли, Джироламо?

Джироламо пожал плечами.

– Не забывай, брат, что пока ты не посвятил меня в свои планы.

– Но об остальном ты мог бы догадаться и сам. Он обязательно придет, Кассандра задержит его на час, прикидываясь, что действительно неравнодушна к нему. Он в это поверит, это уж точно. А потом... Но об этом мы еще успеем поговорить. Сначала письмо. Давай, детка, тут есть все, что тебе нужно.

Она взяла перо, обмакнула в чернильницу, и рука ее застыла над чистым листом бумаги. Лобик собрался морщинками: она не знала, с чего начать. Наконец спросила Джироламо. Все вопросы она предпочитала адресовать ему, ибо он разговаривал с ней гораздо мягче, чем Тито.

– Почему я должна писать это письмо?

– Это затея Тито, – ответил Джироламо. – Но мы должны помочь ему, ибо он хочет наказать безродного выскочку, оскорбившего нас тем, что посмел поднять на тебя глаза.

– И как же вы хотите его наказать? – сразу оживилась Кассандра?

– В свое время ты все узнаешь, – вмешался Тито. – Сейчас главное – письмо. Приступай.

– С чего мне начать?

Тито со вздохом опустился на другой стул и продиктовал письмо. Она же, высунув от напряжения язычок, наносила на бумагу слово за словом. Витиеватый стиль плюс неудобоваримый почерк создали документ, расшифровать который предстояло мессеру Ферранте. И по мнению Тито, глянувшему на каракули сестры, Ферранте ждал нелегкий труд. Он запечатал письмо и с молоденькой служанкой отправил в казарму капитана, а затем посвятил Джироламо в подробности своего плана. После чего растолковал Кассандре, что и как она должна делать.

Джироламо признал, что идея сама по себе неплоха, но выразил опасение, что Ферранте, получив приказ герцога, может и не прийти, невзирая на свои чувства

к Кассандре. Тито отмахнулся от сомнений брата.

– О, он придет, придет, можешь не волноваться. А кроме того, никогда не признается, что этим нарушит свой долг. Так что нам с тобой ничего не грозит.

Надежды Тито полностью оправдались. И едва над кафедральным собором поплыл колокольный звон вечерней мессы, у дворца Дженелески раздался топот копыт, стихший у калитки в высокой стене, окружающей сад.

Братья сидели с Кассандрой на скамье у фонтана на берегу маленького прудика, в котором Джироламо, большой поклонник Эпикура, разводил лягушек и угрей.

Услышав лошадиный топот, Тито насторожился. Когда же всадник остановился у их калитки, он схватил брата за руку и увлек в дом.

Кассандра осталась одна на каменной скамье у фонтана, с трудом подавляя желание рассмеяться. Ожидание длилось недолго, и скоро она увидела приближающуюся высокую фигуру ее кавалера, затянутого в серую кожу, за исключением красной полосы чулок между сапогами и курткой, в железной каске и латном воротнике, отливающих серебром на его голове и шее. Его загорелое лицо побледнело от волнения, а глаза, когда он упал перед ней на одно колено, переполняло обожание.

– Мадонна, – пробормотал он, – в конце концов вы смилостивились надо мной. Подарили мне счастливый миг, о котором я не решался и мечтать. Я едва надеялся, что получу ответ на мое жалкое послание. Но вы дали мне возможность припасть к вашим ногам и выразить словами те чувства, что разрывают мое исстрадавшееся сердце.

Она сидела, сама скромность, сложив руки и опустив глаза, и слушала это безумное бормотание. Когда же он замолчал, она ничего не ответила по простой причине: не знала, что и сказать.

– Прошу простить меня, что явился к вам в ратных доспехах. Не в таком наряде хотел я предстать перед вами. Но сегодня я уезжаю с поручением герцога. И если бы не страстное желание еще раз увидеть вашу несравненную красоту, услышать ваш мелодичный голосок, меня давно не было бы в Лояно, как требовал того мой господин, герцог. Мадонна, надеюсь вы отпустите мне грех

неповиновения приказу?

Стоящий на одном колене, он выглядел таким робким, он, прошедший пламень стольких сражений, готовый повиноваться мизинцу этого белокурого создания, олицетворявшего для него всю земную красоту.

Апатично глянула она на него, хотя посмотреть было на что: молодой, сильный мужчина с волевым лицом, горящими черными глазами. Но Кассандра хорошо усвоила уроки Тито, чтобы внезапно перемениться в своем отношении к кавалеру. Кроме того, происхождения он был низкого, так что его комплименты должно было воспринимать как оскорбления. Братья заверили ее в этом, а наша красивая дурочка не имела своего мнения, во всем полагаясь на Тито и Джироламо.

– Вы мне нравитесь и таким, – ответила она, и Ферранте покраснел от удовольствия. – Что же касается вашего долга... ну, если вы задержитесь на час?

Его лицо затуманилось. Она не понимала, сколь важен час в порученном ему деле.

– Задержусь на час... – эхом отозвался он, но тут же страсть возобладала над чувством ответственности. – Что есть час? Как могу я его лишиться? Да в него можно вместить все радости Эдема и муки ада. Неужели я смогу провести с вами целый час, главный мой час, ибо вся моя остальная жизнь – пролог и эпилог к этим блаженным мгновениям.

– О, мессер, – тень от ее длинных ресниц легла на белоснежные щеки, и она повторила:

– О, мессер!

Даже круглый дурак, послушав ее, понял бы, что у нее не все в порядке с головой, но капитан, ослепленный любовью, впал в экстаз.

– Меня зовут Ферранте, – проямлил он. – Не затруднит ли вас... сможете ли вы назвать меня по имени, Кассандра?

Она одарила его взглядом, вновь опустила глаза.

- Ферранте!

Тут его опалило огнем, ибо он никак не ожидал, что имя его может звучать столь мелодично. Он протянул дрожащую руку, чтобы коснуться одной из рук Кассандры, безвольно лежавших у нее на коленях.

- Дайте мне вашу руку, нежный ангел, - взмолился он.

- Но... зачем? Разве вам мало двух ваших сильных рук?

- Ну что вы все смеетесь надо мной? - вскричал Ферранте. - Будьте же милосердны!

Она засмеялась глупым, дребезжащим смехом, но в ушах влюбленного он звучал перезвоном серебряных колокольцев. А глаза его наслаждались несравненной красотой лица Кассандры. Дыхание Ферранте участилось, истома разлилась по венам. А потом Кассандра предложила ему сесть рядом, и он повиновался незамедлительно.

В тот теплый, насыщенный ароматами сада вечер душа Ферранте обрела покой. Он примирился со всеми людьми, возлюбил ближнего своего. И сказал ей об этом, о любви к ней, изменившей всю его жизнь, отвратившей от грубости и жестокости, с которыми он свыкся, возродившей в ней нежность и смирение. И, как свойственно влюбленным, он пересыпал свой монолог цветастыми оборотами и сравнениями, которые Кассандра нашла занудными и даже глупыми.

Но мысли эти она оставила при себе и лишь покорно слушала, изредка отвечая на вопросы так, как ее научили, фальшью, показывающей, что и она разделяет его страсть.

Вот так и прошел час, вобравший, как Ферранте сказал ранее, всю его жизнь. Для него - в любовном пылу, мгновенно, для нее - невыносимо медленно. Тени сгустились, померк багрянец заката, деревья и кусты вырисовывались черными пятнами. Во дворце зажглись окна, на другой стороне пруда заквакала лягушка.

Ферранте поднялся, вспомнив о поручении Борджа, пытаясь стряхнуть с себя чары Кассандры.

– Вы покидаете меня? – томно спросила она.

– К сожалению, мадонна, я должен уехать, из-за чего безмерно страдаю.

– Но вы ведь только что пришли, – запротестовала она, и его вновь бросило в жар.

Он взял ее руку и остался, чтобы вновь признаться ей в любви. Потом, однако, попросил разрешения откланяться. Но ее маленькие пальчики обхватили его ладонь. В сумраке надвигающейся ночи он видел бледный овал поднятого к нему лица, ее голосок долетал до его ушей, насыщенный ночными ароматами. И, отвечая на ее просьбу задержаться еще, Ферранте, склонившись к ней, прошептал:

– Любимая моя. Сегодня я должен скакать в Имолу по государственному делу. Но вернувшись, я пойду к вашим братьям, чтобы умолить отдать мне хранящееся у них сокровище.

Кассандра вздохнула.

– И когда вы вернетесь?

– Через три дня, если ничего не случится. Для меня это целая вечность, но, надеюсь, терпение мое будет вознаграждено!

– Я не отпущу вас без прощального кубка. Пусть он будет залогом того, что вы вернетесь ко мне. Пойдемте! – и она увлекла Ферранте к дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Виновато было имя и тот, кто его написал (с итал.). Фраза Данте: «galeotto fu il libro e chi lo scrisse» – «а виновата была книга и тот, кто её написал». Имя Галиотто с легкой руки Данте стало в Италии нарицательным.

Купить: <https://telnovel.com/rafael-sabatini/sud-gercoga>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)